

вленном лике Израиля зрится поруганный, оплеванный, окровавленный Лик Того, кто назвал Себя Царем Израилевым. Но если сам Израиль распят для мира, то Господь возлюбил, быть может, и муки христорборства Своего народа и в самих этих муках дарует уже прощение Своей любви, милующей и спасающей. Ведь, возлюбил же Он Иакова, который боролся с Ним в таинственную ночь, и не отпустил, пока не получил благословение. И если избрание непреложно, неотъемлемо, нерушимо, если Израиль пребывает в вечной памяти и вечной любви Божьей, то Христос в нем и с ним, и он восстанет подобно христорборцу Савлу, сердце которого в самом христорборстве тайло в себе Христово воскресение... «О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!... Ибо все из Него, Им и к Нему. Ему слава во веки. Аминь» (Римл., 11, 33-36).

Евгений Ламперт.

О ТРЕТЬЕМ СОЦИАЛИЗМЕ

Прошли детские годы фашизма: он больше не подающий надежды ребенок. В Италии режиму 17 лет; возраст уже подсудный. И в Германии отпразднована первая пятилетка: «ребенок» уже научился говорить. Но бросим метафоры. Факт тот, что фашизм притянут к ответу. В кредит ему больше не верят. А в России, -- но, подлинно, можно ли сегодняшшний строй назвать фашистским?

Сближение диктатур Сталина, Гитлера и Муссолини стало банальным. С другой стороны, «фашизм» часто берется слишком широко. Посмотрите на любую «антифашистскую» афишу. Чего там только не сваливается в общую грудку под кличкой «фашизм»: и «реакция» (это уж обязательно), и «клерикализм». Словом: поп, буржуй и городской.

Чтоб внести ясность в спор, скажем сразу, что проблема имеет два (по крайней мере, два) самостоятельных аспекта: политический и экономический. Нам, придется нарочито разделять то, что в общезитии смешивается, и каждый аспект разбирать отдельно.

Политически, мы определим фашизм, как однопартийную, тоталитарную диктатуру. И еще уточняя, добавим: фашизм есть диктатура гражданская (а не военная, — в этом новизна), политическая или идеологическая (то-есть не религиозная); ее база — средние классы; хотелось бы сказать — диктатура мещанства, если бы «мещанство» не получило специфического оттенка. Из этого определения, например, следует, что ни Японию, ни Португалию, ни

Испанию Франко (пока что) нельзя назвать фашистскими; хотя некоторое идеологическое сродство с фашизмом определенно имеется.

Базой фашизма являются средние классы. Это многое уже предопределяет. Найдутся любители спорить и тут. Между тем, совершенно очевидно, что базой этой не являются ни остатки высших слоев общества, ни крупная буржуазия, ни интеллектуальная элита — с одной стороны; с другой — ни крестьянская, ни рабочая масса. Крестьянство по существу своему всегда пассивно и только «примлет». Класс же физических рабочих (который больше не совпадает с пролетариатом вообще) еще так недавно был в противоположном лагере, что поверить его поголовному и полному обращению нет никакой возможности. Но какой-то процент — безусловно обратился.

Все же среднее, от верхушки рабочих включительно, до «интеллигенции», сию последнюю, в целом, исключая, — бесконечное море (на Западе) служилого пролетариата, мелко- и средне-буржуазные круги, полунинтеллигенция, — вот подлинная база однопартийной системы.

Тут сразу интересно отметить прямое преемство с марксизмом. Персонально (в лице большинства вождей фашизма) это все та же клиентура, в которой зародился и распространился марксизм (от верхушки рабочих до служилой интеллигенции). Мы не хотим этим давать никаких качественных определений, а только фиксировать социальную почву, как марксизма, так и его отрицания: фашизма. Ибо симметрическое отрицание, «антитезис», есть развитие «тезиса». Короче, и утверждение и отрицание исходят из, и остаются на какой-то общей почве.

Та общая почва, которая сближает все виды фашизма с большевизмом, и через голову Ленина роднит национал-социализм и фашизм итальянский с марксизмом, это анти-персонализм. Идеал у них общий (и он неизменен): Государство — Робот, Механизированный Муравейник.

И любопытно, как искаженная реальность мстит за себя. Всякие и любые антиперсоналистические доктрины — лишь доктрины. Личность же — реальность. Поэтому коллективизм имеет своей неизбежной изнанкой утверждение одной личности (хотя бы одной), которой воздаются просто божеские почести.

Порок всякой «роботской» философии в том, что «робот» тоже — продукт духа и требует хотя бы одной личности (а не робота же), чтоб роботом управлять.

*
**

Но за общей принципиальной основой есть, конечно, и существенное различие — оставаясь даже в чисто политической области — между «большевизмом» (если сохранить за системой Сталина это анахроническое название) и «фашизмом». И сравнение будет не в.

пользу Сталина, не во гнев будь сказано зарубежным и заграничным большевикам. Обратимся к внешней политике, посмотрим на международное положение каждой из трех диктатур. Простая справедливость (отсутствующая, впрочем, в политических страстях) требует отметить, что Фюрер добился сказочных успехов, Дуче приобрел для Италии кое-что, в то время, как «божественный» и «гениальный» не только ничего не добился (это при русских-то огромных возможностях), но и сам мечтает только об одном: быть бы целу!.. И безнадежно болтается между двумя берегами: от одного отстал, а к другому пристать не решается. Так, расправившись с ленинскими приспешниками, не решается расправиться с ленинизмом; приказывает восславлять русскую историю, но по прежнему душит русскую веру, которой эта история творилась; уступил колхозникам, но до этого насильственной коллективизацией обескровил и истощил крестьянство (это в видах обороны-то); не говоря уж про расправу с высшим офицерством и про восстановление невежественного института невежественных комиткомиссаров в армии (это для укрепления дисциплины-то).

*
**

Однако, как ни велики внешние успехи фашистских диктатур, мы не можем их поставить в плюс фашизму, как таковому. Патриотизм не специфическая его черта; не его — «новое слово». И возрождение или реабилитация любви к родине не обозначает еще приятие фашизма. «Новое слово» фашизм провозглашал именно в социальной плоскости. И здесь надлежит искать ответа: много-обещающий ребенок возлагавшиеся на него надежды оправдал или нет?

В чем же заключается «новое слово» фашизма — в социальной, или точнее — в социально-экономической сфере? Трудно дать сразу исчерпывающий ответ. Теоретических писаний и панегириков очень много; но, отшелушив декларативные украшения, конкретных указаний остается меньше малого. То общее положение, с которым соглашались все фашистские авторы (оставаясь исключительно в социально-экономической области), едва ли не окажется — отрицанием капитализма. О смертных грехах последнего мы слышали (и слышим) очень много. Но все же — что нового создано взамен, какие ясные и отчетливые признаки можно положить в характеристику новой системы? —

Здесь придется сделать довольно неожиданный, быть может, вывод. Фашизм — совершенно конкретная, имеющая свою точную характеристику, политическая система; но в экономической плоскости фашизм есть тот же — но ущербленный — капитализм.

И здесь лежит коренное различие между фашистскими странами, с одной стороны, и советской Россией, — с другой.

Попробуем определить, что такое капитализм, и затем с этим критерием подойдем к анализу.

«Капитализм» тоже стал понятием слишком расплывчатым и неопределенным. В него вкладывают все, что угодно. Но мы откинем определения эмоциональные: эстетические или символические, а сосредоточимся исключительно на экономике. При чем капитализмом обозначим не всю сущность экономических взаимоотношений — от сотворения мира и до Карла Маркса, а только известную, ограниченную во времени форму или стадию этих взаимоотношений; то-есть вернем капитализму его смысл, как исторической категории.

Задача упрощается. В таком случае суммарная формула капитализма (содержащаяся, впрочем, в самом термине) будет:

концентрация капитала, при чем само собой разумеется, что речь может идти только о частном капитале. Но сюда не относятся ни частная собственность, какъ принцип вообще, ни наемный труд, как таковой, ни частная торговля, ни денежная система и обмен, ни частная инициатива. Все это существовало и в докапиталистические эпохи, на разных стадиях экономики, и в разных человеческих обществах. Наоборот, сюда относятся:

- 1) крупные и крупнейшие предприятия (тресты, концерны, консорциумы и т. д.);
- 2) обезличение капитала (анонимные общества, акции, облигации и т. д.);
- 3) доминирующее место кредита (банки, биржа, развитие чеков и т. д.);
- 4) преобладание внешней политики над внутренней, в том смысле, что все подчиняется политике рынков.

И что же, разве в фашистских странах не существует всего этого? Не существует крупного частного капитала? — Нет, он существует, но ушиблен (как капиталистическое хозяйство военного времени). Не существует частных банков, кредита, процентов, биржи, акционерных обществ, трестов, процентных бумаг, классовых различий, бедных и богатых? — Все это, конечно, есть, с той разницей, что, в общем и целом, обеднели все. Существует и конкуренция (на внутреннем рынке), и поиски новых рынков во вне. Не существует забастовок, свободных рабочих союзов, профессиональной защиты. Но все это — только в ущерб рабочему классу, и знаменует, скорее, возврат к раннему, особенно тяжелому для рабочих, типу капитализма.

В какую бы сторону те или иные фашистские государства ни эволюционировали в будущем, пока надо признать, что никакой собственной, конкретной экономической системы фашизм не создал. Точнее всего экономически его можно охарактеризовать, как капиталистическое хозяйство военного времени.

*

**

Дорого миру обошелся марксизм, и счет еще сполна не оплачен. Но отравы дошла до своего предела. Здоровый организм человечества выжил, и болезнь изживается.

Марксизм, заменивший, было, все социальные движения, как бы «гандикапировавший» все социальные искания, быстро линяет. Сходят краски с лубочной декорации, трескается и рвется полотно, и от игрушечного рая остается — деревянный остов с висящим на нем тряпьем.

Вне России — нравится это нам или нет — санитарную миссию взял на себя фашизм. У нас на родине, наиболее от марксизма пострадавшей, ликвидацией марксизма занялись сами марксистские последыши.

Марксово учение не только потеряло всякую динамику: оно вообще бессильно. Ни умов, ни сердец больше ничьих не пленяет. Перед своим родным братом — фашизмом — повсюду с позором отступает. Марксизм более не способен защищать свои собственные позиции. Фашизм же есть только реакция: отрицание отрицания.

Что же остается для ищущих умов, для тех, кто желает жить — в будущем и для будущего? Некоторое время последним откровением казался фашизм. Но и он уже действительность, а не обещание. И действительность — не давняя ничего нового. Все тот же «проклятый капитализм», да еще под знаком войны.

Ищущим искать приходится шаново.

Мы не берем на себя смелости начертать новый социальный идеал. Но на путь возможных исканий хотелось бы все же указать.

«Ничто не ново под луной». Новы лишь сочетания, или, как теперь говорят — *la présentation*. Поищем в прошлом, посмотрим, что вдохновляло, будило мысль целых поколений вплоть до Карла Маркса? — То, что самый Маркс так презрительно величал «утопическим» социализмом.

Социализм «утопический», ранний — юношеская мечта Нового Мира (у Средневековья была своя мечта). Социализм — *acte de naissance* Нового Времени. Теперь юношеским грезам нет места. «Новое Время» уже не новое, а близится к закату. Для грядущей эпохи — третий социализм должен быть изломом опыта и размышления, хотя импульс остается старый; то-есть импульс «нервого» социализма, а не «второго» — псевдонаучного псевдосоциализма (марксизма).

Первая ступень социальности — уничтожение деления на Общество и Народ («простой народ»). И основное достижение русской революции (другой вопрос, какой ценой) — уничтожение этого деления. Первая предпосылка для построения социалистического общества у нас, во всяком случае, налицо.

И в России, сквозь смердящий провал марксизма, несмотря на

всю кровь, ужас, грязь и бессмысленную подлость марксистско-ленинского разгула, все же вырисовываются контуры какого-то нового экономического строя и новых социальных взаимоотношений, которые, быть может, послужат новой исторической категорией: социализма.

Лев Закутин.

РЕЛИГИЯ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА

Теперь это уже стало общим местом. Даже люди, привыкшие всю действительность общества сводить к экономическим и юридическим отношениям, с беспокойством говорят о какой-то «мистике» национал-социализма. Но большей частью это выражение употребляется в самом неопределенном смысле, не связанном ни с какими конкретными представлениями.

Года два тому назад в «Современных Записках» в статье «Новая религия» К. Грюнвальд дал интересный очерк той религиозной «реформации», какой сопровождалась гитлеровская революция. В русской эмигрантской мысли эта статья осталась без всякого отклика. Для большинства наших интеллигентов, даже и порвавших с марксизмом, эта идеологическая надстройка, в которой сами создатели национал-социализма видят основу всей организации Рейха — нечто несущественное, ничего не объясняющее в структуре того тоталитарного государства, которое возникло в Германии.

Это отношение мне кажется ошибочным. Создание тоталитарного общества неразрывно связано с распространением определенной формы религиозности. Это только две стороны одного и того же социального феномена.

Начнем с «манифестированного» выражения этой новой религии.

Как ни страшно это признать, национал-социализм в карикатурно-искаженной форме осуществляет вековую мечту немецкой интеллектуальной элиты — чаяние над-конфессиональной, единой национальной религии, «германского христианства»; осуществление которого явится миссией лютеранской Пруссии и католической Австрии, слившихся в единую Германию.

От Гердера до Чемберлена все пышнее расцветает традиция германизма, антисемитизма и противопоставления германского Volkstum'a романтиков абстрактности европейских интернационалов — католического, либерально-капиталистического и социалистического.

Это слово — Volkstum, впервые было придумано John'ом, для обозначения понятия нации, не как плода общественного договора, а как живого органического существа. Это соборная сущность народа,